

родов, против идеологии расизма и апологии новых империалистических войн. Каждый шаг христианина должен быть шагом вперед к свободе с отрицанием расовых, национальных или племенных привилегий, потому что несовместимы с планом Божественного домостроительства разделения по цвету кожи, языку, нации, полу или возрасту. По слову св. апостола Павла, «мы соратники у Бога» (1 Кор. 3, 9) и потому не можем мириться с несправедливостью или грехом. Мы призваны своей жизнью и примером утверждать на земле Царство Божие со всеми его высокими идеалами и качествами.

Господь наш Иисус Христос, придя на землю, возжег свет, а мы своим старанием должны поддерживать этот свет, и это не только для себя самих, но и для других, которые должны воспользоваться его сиянием и руководствоваться им к истине. Наша жизнь после крещения должна быть достойной благодати, чтобы наше благовествование Евангелия Христова оправдывалось нашей доброй жизнью, добрыми делами. Слова Господа: «Да просветится свет ваш...» говорят о том, что добродетель наша должна быть велика, огонь ревности проповедания слова Божия облен, свет неизречен, потому что добродетели лучше всего распространяют славу о христианстве и способствуют славе имени Божия. Худая же слава и худая жизнь христианина дает повод к хуле имени Божия.

Господь вложил в природу человека познание добра и зла, а через Сына Своего Единородного подал нам пример служения ближнему, и потому для нас, христиан, естественнее украшать себя и Церковь, к которой мы принадлежим, красотой добродетели или, как говорит св. апостол Павел: «Не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности» (Рим. 6, 13).

Таинство Крещения накладывает на каждого человека обязанность попечения о добродетели своем и наших ближних. Именно поэтому св. апостол Павел так часто убеждает в своих посланиях, чтобы никто не искал своего, но каждый пользы другого (1 Кор. 10, 24), подчеркивая при этом, что нерадящие о ближних своих грешат против Самого Христа и разрушают здание Божие (1 Кор. 8, 12). Более того, по учению Господа, забота о ближних своих является долгом, исполнять который надо всем. По евангельскому учению, принесший талант подвергается наказанию не за то, что он пренебрег чем-нибудь собственным, но за то, что не радел о ближних.

Таким образом, до тех пор, пока на нашей планете будут пылать пожарница войн и продолжаться несправедливости по отношению к человеку, до тех пор, пока будут существовать расовые теории, а также физическое и моральное угнетение национальных меньшинств или этнографических групп, нам, верующим и крещеным во имя Христово, необходимо с полной энергией трудиться, устроая мир среди людей и неся людям свет и радость.

Профессор Г. ХАРБСМАЙЕР (Гёттинген)

ДЕЯТЕЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО КРЕЩЕННОГО В СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

I. Вопросы

В своем реферате, опираясь на К. Барта и Барменские тезисы, Э. Вольф охарактеризовал крещенного человека в реформаторском понимании как сотрудника в примиряющей божественной деятельности относительно мира. Сверх того, он коснулся проблем, которые на этой основе находятся сегодня на первом плане церковно-богословских дебатов и церковной деятельности, устремленной к миру и с ним осуществляемой. Какое отношение существует между человеколюбием Бога и гуманизацией социально-политических условий в мире? Где и каким образом могут встретиться и слиться вместе пути, которыми Бог в Иисусе пришел к человеку, с путями, которыми человек должен, как он думает, идти к благу человечества по своему собственному почину? Иными словами: может ли и должен ли крещенный человек быть также сотрудником в борьбе «чад мира сего» за хороший, справедливый социальный строй, за внутренний и внешний мир, за хорошую и справедливую экономику? Существует ли соответствие между участием в примиряющей Божественной деятельности по отношению к миру и сотрудничеством крещенных в духе понимания *dominium terrae* как создания справедливых и добрых человеческих отношений в этом мире в меру присутствующего всем людям социального и политического разумения? Или же крещенный человек составляет с общиной христиан изолированное общество, *societas Jesu* (общество Иисуса), с особыми ему только одному свойственными задачами относительно мира, направленными к его обращению и превращению в Царство Божие, в высший, небесный мир? Является ли последование Христу уходом от дел этого мира в сферу Божественного? Является ли поэтому интерес крещенного человека к мирским делам

и явлениям законным и допустимым только в той мере, чтобы быть объектом преодоления? Заключается ли цель существования и истории крещенного человека в удалении от мира для унаследования Царства Небесного? Или же целью христианского удаления от мира является такая любовь к миру, какой Бог во Христе Иисусе возлюбил мир, чтобы примирить его с Собою? Не является ли таким последование Христу крещенных во имя Его именно путем в мир, в самую гущу присущих этому миру конфликтов и невзгод? Не является ли последование Христу также путем устремления к жертвам несправедливого социального строя, к обездоленным и отверженным?

Однако, с другой стороны, следует также спросить: ограничивается ли действительное свидетельство крещенного отставанием более разумного общественного строя? Является ли последование Христу только принятием исходящего «от мира сего» концепта или рецепта нового общества и обеспечения мира или даже отождествления себя с ним?

В праве ли христианская вера, как последование Христу, стать в данном случае передовым отрядом или идеологическим подспорьем для достижения спасения и самоосвобождения человечества на основе его собственной доброй воли, собственного разумения и сил? Имеется ли неограниченное, безапелляционное «да» или «нет» христианина при возникающих альтернативах в решении светских, общественных, хозяйственных и политических проблем? Или же деятельное свидетельство христианина заключается в том, что он релятивирует альтернативы, сглаживает противоречия и своим «да» или «нет» открывает путь к примирению в мирских делах?

Или разве нет в решениях, принимаемых в общечеловеческой сфере, определенности, которую может проявить как раз только тот, кто демонически уничтожающую, разрушающую жизнь силу ненависти в этом мире понимает с позиций той любви, которой Бог во Христе возлюбил этот мир? Возлюбленный Богом знает опасности, которые скрыты от того, кто не имеет абсолютной уверенности в этой любви.

Не будет ли он с одинаковой уверенностью сопротивляться ненависти, в которую выливаются социальные революции и с которой они подавляются? Разве отсутствуют полные решимости активные «да» или «нет» в вопросах социального устройства и справедливости там, где люди не ставят свою реакцию в зависимость от желания отомстить своим угнетателям, но, и будучи угнетенными, убеждены в своей свободе, в Промысле Божиим? Не присоединятся ли они к тем, кто по самим себе и по другим знают склонность человеческой природы к разрушительному, злему, мстительному решению и не питают никаких ложных надежд на изменение людей в результате преобразования существующих условий? Не будут ли они укреплять и поддерживать тех, кто трезво воздерживается от переоценки возможности переделки человека человеком? Не примкнут ли они решительно к тем, кто знает, что никто не может быть по-настоящему свободным, если не умеет предоставить свободу другому, если и другие тоже не свободны?

II. Попытка дать некоторые ответы

Основные положения деятельного свидетельства крещенных

1. Поставленные выше вопросы можно прежде всего свести к одному главному: равнозначно ли возрождение, новое бытие во Христе и со Христом (2 Кор. 5, 17) эсхатологическому устранению природной человеческой жизни? Или же это ее сублимация к Творцу и к служению Его созданиям? Этот вопрос является, вообще говоря, для деятельного свидетельства крещенных альтернативным. Ибо если речь идет о радикальном искоренении природной человеческой жизни, т. е. об эсхатологическом устранении «я» ветхого человека, то служение крещенных людей в отношении собственного «ветхого Адама» — так же, как и относительно некрещенных «чад мира сего» — может состоять только в «освобождающем» устранении природной человеческой жизни. Тогда такое служение означает радикальное «отчуждение от мира». Отчуждение от мира представляет тогда собой абсолютный подрыв и разрушение любого положительного отношения к миру и к еще не крещенным чадам этого мира. Тогда любовь к миру и к некрещенным заключается в призыве к покаянию, которое считает мир как таковой безнадежно погибшим и проклятым и исключает какой-либо интерес к благу и счастью человечества, разве что чисто негативный, сводящийся к стремлению, чтобы некрещенные осознали ситуацию верной гибели, чтобы они отказались от любых усилий, направленных к мнимому благу человечества, чтобы они покинули хорошо организованный, технически оснащенный, ультрасовременный корабль своего безнадежного самоуверждения и пересели в спасательную лодку Церкви, где они от воды и Духа станут другими, новыми людьми.

Напротив, если новое бытие во Христе состоит в сублимации прирожденной, преданной греху, смерти и власти зла, человеческой жизни к Творцу и позитивному служению Его созданиям, тогда результатом окажется неизбежно положительная активность в деятельном свидетельстве «чадам сего мира». Если «я» веры крещенного будет не обновленным, а другим, вторым «я» в борьбе не на жизнь, а на смерть против «я» природного, тогда бессмысленно говорить о сотрудничестве крещенных людей на благо человечества, а тем самым о соответствующей деятельности. Тогда между возрожденной и природной человеческой жизнью имеет место не солидарность, а лишь непримиримый раздор. Если кто-нибудь из тех, кто во Христе, пе-

рестает быть тем «кем-то», тем «я», тем творением Божиим, которое жило, было спасено и освящено любовью Христовой, если между ветхим и новым Адамом существует лишь абсолютный дисконтинуитет, то деятельное свидетельство крещенного может состоять исключительно в том, чтобы отрицать природную жизнь людей мира сего, бежать от нее. Тогда положительный интерес к его благосостоянию исключается.

Если истина в том, что Бог во Христе не смерти грешника желает, а хочет, чтобы он обратился и жил, то тогда только деятельное свидетельство обращенного и воскрещенного от смерти может быть со всей решительностью и авторитетностью устремлено не на желание неотвратимой гибели этого самим Богом любимого мира, а на то, чтобы весь мир обратился и жил, не переставая, однако, быть самим собой. Если «я» веры идентично миру, который возлюбил Бог, и тем самым и «я» ветхого Адама, то это никоим образом не означает идентичности жизни в вере с жизнью в неверии некрещенного ветхого человека. Здесь скрыто человеческое различие между жизнью пакибытия во Христе и жизнью в безбожной преданности обоготворенной твари и самоуправству природного «я». В этом заключается полная и постоянная неидентичность жизни в вере с жизнью в самоутверждении, направленном против Бога и людей.

Однако именно эта постоянная неидентичность и делает деятельное свидетельство крещенного человека в мире задачей безусловно заповеданной и гарантированной, ибо жизнь крещенного человека в вере и есть сама по себе жизнь, дарованная миру, обществу, людям. Это ведь и есть жизнь и бытие для других, для мира, жизнь в любви, а не в самоутверждении за счет других и против других.

Если бы жизнь крещенного в вере не являлась сублимацией жизни к ее Творцу и к служению Его созданиям, а была бы обособленной или самодовлеющей жизнью, выведенной за пределы данной нам земной жизни и опирающейся на преходящий характер пососторонней жизни, то деятельное свидетельство верующего заключалось бы в самоутверждении этого своего самодовлеющего существования в его противопоставлении миру. А это было бы не любовью, которой Бог во Христе Иисусе возлюбил мир, а церковным эгоизмом и вовлечением людей в собственную «христианскую» мирскую партию, как это довольно часто бывало на протяжении истории Церкви. Тем самым крещенный человек как раз и уподобил бы себя и свою Церковь этому миру. Ибо в том-то и заключается сущность детей века сего, что они рассчитывают на новую, иную жизнь за счет подчинения себе мира, навязывая ему нового порядка жизни и ликвидации строптивых. Любовь, которой они завоевывают мир, является любовью к себе и ненавистью к сопротивляющимся. Если же крещенные люди действуют по отношению к миру в пользу своей — церковной — самодовлеющей жизни точно так же, то тем самым они приравняют себя к этому самому миру, который хотят прибрать к рукам. Их деятельное свидетельство может тогда быть только конкурирующей вербовкой прозелитов, а не суверенным милосердием к тем, для которых, последуя Христу, и должен исключительно жить верующий.

2. Другой аспект того же альтернативного вопроса заключается в следующем: следует ли понимать крещенного человека как изолированное «я», которое лишь во вторую очередь спрашивают, как оно относится к тем, с кем живет в общении? Или же крещение, на основе которого оно живет в вере, с самого начала и всецело передается ему как члену общества, в котором оно уже обретается? Иными словами: может ли крещенный верить в то, что произошло с ним в крещении, вне своего фактического сосуществования с другими людьми? Разве ближний и общество не включены наперед в его веру в то, что происходит при крещении?

Является ли «я» веры только единением обособленного индивидуума со своим Богом? Или же «я» веры только и есть то, что оно есть, если сознает себя, исходя из понятий «ты» и «мы», так, что оно рассматривает себя как нечто высшее, обязанное прожить свою жизнь для других? Выражаясь еще иначе: является ли само крещение даром, предназначенным для собственного, частного, индивидуального обладания? Или же оно есть включение индивидуума в принимающее действие Божие в мире в качестве сотрудника? Является ли крещение знаменем союза Бога со всеми людьми мира сего? Или же оно — признак исключительности в противопоставлении к еще не спасенному миру?

Ответ гласит: крещение ни в коем случае не есть освобождение человека от ответственности за благо и спасение мира. Оно есть возобновление этой ответственности, которую несут вообще все люди. Крещение — социальный акт, поскольку оно в возможной ему степени предъявляет индивидууму определенные требования в его отношении к миру. Оно обязывает его к существованию для других, исходя из любви, которую его возлюбил Сам Бог. Сюда входит деятельное свидетельство внутри общества и не как добавочное требование, а как сфера, где любовь только и может быть деятельной и эффективной.

3. Еще одним аспектом той же первичной альтернативы является содержание деятельных свидетельств крещенного человека.

Если верно, что природная человеческая жизнь, которую мы разделяем со всеми людьми, несмотря на грех и его разрушающую жизнь силу, снова возвышается до своего Творца и ближнего через то, что символизируется крещением, то спрашивается: стоит ли говорить об этой природной человеческой жизни больше и иначе, как

только то, что это — погибшая и проклятая жизнь? Если грех — жизнеразрушающее возмущение твари против своего Творца и против совместной жизни людей, то ведь он — хотя и в аспекте разрушения — имеет дело с добрым и нерушимым творением Божиим. И не только это; греховным со стороны грешника является злоупотребление разумом, рассудком, языком, волей, сердцем и расположением, силой и мощью убеждения, честью и свободой, истиной и способностью любить, которые дарованы людям и которые даже при злоупотреблении не перестают быть благим даром Творца. Как и солнце, они принадлежат к доброму и злому человеку. И возрожденная человеческая жизнь располагает ими для свободного употребления по воле Творца. Правда, падший человек не может ни в какой мере сам освободиться от вины, от подверженности греху и смерти, даже если он проявит все усилия для восприятия благодати, ибо этому противостоит его несвободная воля. Однако то, что говорит вера, и то, что он делает, вполне доступно его пониманию. И если он не примет этого с верой, то и без веры он может прислушиваться к ее разумному содержанию и по-своему принять деятельное свидетельство крещенного, даже если вера, из которой исходит это деятельное свидетельство, ему совершенно безразлична.

Это может происходить только потому, что жизнь человеческая — как добрая, так и злая — всегда есть и остается служением Богу, будь это в противлении или в послушании вере; человеческая жизнь всегда есть существование, вытекающее из суверенной творческой воли Божией. Даже тот, кто этому сопротивляется или живет в состоянии разрыва со своим Богом и своим ближним, вплоть до полного к ним безразличия, все-таки живет жизнью, дарованной ему Богом. Он привержен к этой жизни, любит ее больше всего, а в конфликтных ситуациях, видя рост страшных возможностей расширения своего могущества, грозящее уничтожением злоупотребление своим могуществом, свою ответственность за это, свое планирование и организацию, свои революции и свои войны, он доступен для доброго разумного совета, откуда бы тот ни исходил. Он способен хорошо различать правду и ложь, лицемерие и искренность, мир и войну, силу и бессилie, разрушение и создание, любовь и ненависть, свободу и рабство. Ему можно наглядно объяснить, что служит миру, а что может привести к катастрофе. Он знает, что такое справедливость и хороший социальный строй. Он знает притязания, предъявляемые существованием. Он знает, что это такое — быть для другого таким, как если бы последний был им самим. Он знает, что такое безжалостная эксплуатация и сколь уничтожающе действует ненависть. Знает он также разницу между хорошим и плохим правительством, между доброй и узкой моралью. Его этические представления имеют совершенно определенный характер. Он умеет отличить здоровое и справедливое государственное устройство. Во всех этих вещах крещенный человек не может предложить ему ничего нового, до сих пор неизвестного и непонятного, но может стать, что своим советом он может вовремя укрепить его в добром и справедливом намерении. Может и должно быть так, что с решимостью, свойственной вере, однако с помощью аргументов осторожного разума он устранил ненависть и помешает решению социальных и международных проблем с помощью военной силы, вообще исключив его возможность. Может быть и так, что с трезвостью веры и настоящим сопротивлением бесчеловечному угнетению крещенный человек решительно станет на сторону тех, кто страдает от социальной несправедливости. В этом случае он не будет ради собственной выгоды лавировать между фронтами или же, возвышаясь над партиями, говорить одновременно обеим сторонам и «да» и «нет». Там, где он только может, он пойдет с теми, кто не подгоняет существующих противоречий к схеме борьбы добра против абсолютного зла, а ищет примирения и равновесия. Он делает всё для него возможное, что способствует миру и благу людей в меру своего понимания, воздерживаясь от того, чтобы выставлять и проводить в жизнь собственную «христианскую» программу решения всех мировых конфликтов. Как человек, воздвигнутый к жизни со своим Творцом и со своими ближними, он будет вместе с теми, кто, как и он, живет этими переживаниями и спонтанностью веры, солью земли и светом мира, сам менее всех о том зная и того желая. Это получится само собою. И он даже удивится, если ему об этом скажут. Он не будет притязать на то, чтобы быть солью и светом мира. Это заметят другие. Но, прежде всего, крещенный, живя как человек возрожденный, будет подходить к некрещенному снисходительно и с милосердием, не требуя от него невозможного. Он поймет его заблуждение и страх, его гордость и отчаяние, а также тяготеющую над ним судьбу. Он не будет судить, не будет мстить и не даст простора возмездию. Он не будет в «чадах мира сего» видеть бесов и не будет их переоценивать. Он не будет подсказывать миру, как справиться с этой жизнью. Он предоставит Богу управиться с нашей мирской жизнью.

III. О сотрудничестве с некрещенными на благо человечества

1. В Германии число некрещенных сравнительно невелико. В ГДР оно больше, чем в Федеративной Республике. Но это может быстро измениться. Фактом является еще то, что тот, кто в Германии христианин, наверняка окрещен. Однако не всегда тот, кто окрещен, уже поэтому и христианин. Сотни лет древней практики крещения превратили его в религиозную формальность, которая в сознании народа находится в резком противоречии с тем, что понимает под крещением реформация и

Новый Завет. Все старания, направленные к последующему наставлению и христианскому воспитанию крещенных детей, ничего не смогли изменить в этом отношении. Во всяком случае, в ФРГ крещение детей не является проблемой, требующей принятия радикального решения. Скорее серьезную проблему создает решение не крестить. В резком противоречии с фактической незначительностью акта крещения находится его фундаментальное значение для обеспечения материального существования Церкви посредством основанной на нем системы церковных налогов. Итак, крещение в ФРГ — это акт выполнения церковных норм со стороны повенчанных в храме супружеских пар по отношению к новорожденным детям, изолированный акт в большинстве неосознанной привязанности к религиозной традиции страны, который потом влечет за собой первое причастие и конфирмацию, влечет с присущей немецкой народной церковности автоматичностью буржуазного быта, включающего также сильную приверженность к унаследованной религии своей страны. Конечно, из этого правила есть немало исключений. Но, во всяком случае, тот факт, что кто-то крещен, конфирмирован и обвенчан в церкви, еще не значит, что он живет в соответствии с сущностью крещения, что тем самым принято решение, по которому можно крещенного человека отличить от некрещенного. Скорее выход из Церкви означает волеизъявление, имеющее религиозную весомость. Напротив, факт крещения говорит большей частью и в подавляющем большинстве случаев только о сохранении все менее понятного религиозного обычая.

Об этом надо сказать, потому что это сильно модифицирует сотрудничество крещенных с некрещенными сравнительно с теми условиями, при которых преобладают некрещенные, а решение креститься представляет собою решимость, влекущую за собою значительные последствия. Там, где еще имеет место крещение почти 80% населения, возникает проблема сотрудничества между формально крещенными и теми, которые живут с верой в возрождающую силу крещения. Здесь эту проблему можно только наметить. При этом дело идет об обществе, сознающем себя как западно-христианское, с государственной христианской партией...

2. Однако совсем другой вопрос — сотрудничество на благо человечества с некрещенными, которые не являются христианами и не хотят ими быть. Этот вопрос ни в коем случае нельзя отрицать априори и в принципе. Нельзя утверждать, будто «чада мира сего» не могут быть мудрее крещенных людей. Иначе притчи Иисуса, взятые из безбожной жизни, не имели бы никакого смысла! Иначе христиане не могли бы учиться от птиц небесных и полевых лилий. Есть некрещенные мудрые домоправители и мудрые девы, сеющие и жнущие земледельцы; наряду с глупыми богачами мы читаем об умных виноградарях и домоправителях, министрах и царях, которые все поголовно некрещенные. Есть отец, радующийся возвращению домой блудного сына и отвергающий жалобы оставшегося дома. Есть мытари и солдаты, а также рыбаки, с которыми безусловно сотрудничал Иисус. Существуют также персы, ассирийцы и египтяне, с которыми сотрудничал Сам Бог, хотя они и не обратились на путь истинный. Очень может быть, что нехристианские народы, к стыду христиан, скорее смогут познать, что именно нынче служит миру и благу человечества, чем христианские партии Запада. Пути Божии к сердцам людей не поддаются определению раз и навсегда по миссионерским и конфессиональным картам мира. Может статься, что крещенные люди, живущие по слову, возведенному им в крещении, будут испытывать презрение со стороны обуржуазившегося христианина, но будут услышаны и поняты нехристианскими народами. Тот, Кому дана всякая власть на небе и на земле, является Господом и там, где Ему открыто противоречат. Он действует там, где крещенный и некрещенный человек озабочены благом человека, чтобы сохранить его для радости, открытой всему народу, для радости о славе Божией и о том мире на земле, который Им основан и свершен, чтобы оказать помощь всем.

Некрещенные мира сего располагают большим числом сотрудников и советчиков, стремящихся добиться блага для человечества силой. Они считают себя реалистами. Их цели весьма возвышенны. Они веруют в добро, заложенное в человеке. Они недооценивают загадку демонической власти зла над человеком и переоценивают силу доброй идеи, направленной на благо человечества... Сотрудничество с некрещенными на благо человечества, если оно протекает в полную силу, всегда идет рука об руку с сотрудничеством с «ветхим Адамом», который есть мы сами. Это есть критическое сотрудничество с той целью, чтобы делать доброе, которое мы хотим, и не делать злого, которого не хотим, а все-таки загадочным, роковым образом делаем, не взирая на «нового Адама» (Рим. 7). Некрещенный человек, с которым мы должны сотрудничать на своем месте на благо человечества, все еще кроется и в нас самих. Во всяком случае, мы всегда с ним вместе, даже когда совершенно одни. Сердце его упорствует и унывает. Его мысли и упования могли бы не быть злыми, если бы он не думал злоупотреблять добром.

Как крещенным людям, нам приходится всегда иметь дело с мыслями и упованиями нашего разума, характера и сердца. Новое сердце, новый, правый дух не есть иное сердце, а есть то же самое каменное сердце, но превращенное в то, что в доступных пределах бьется, мыслит, творит и уповает на благо и спасение всех людей. Эта цель не требует какой-то солидаризации. Новое сердце и новый, правый дух уже глубоко солидарны с некрещеными сердцами и их мыслями, направляя их к Богу и к ближнему. Это — солидарность любви, двигателем которой является вера,

а деятельное свидетельство которой состоит в том, что она одна обладает властью обращать человеческие сердца.

Поэтому сотрудничество с некрещеными — это не такая задача, которую крещенный человек должен еще ставить, к которой его надо дополнительно призывать. Вытекающая из крещения жизнь состоит в сотрудничестве крещенных и некрещенных на благо человечества. Напоминать человеку о его крещении значит призывать его к любви, царящей в этом сотрудничестве. Ибо любовь не живет своей жизнью. Она — жизнь на благо других.
